

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АРХИТЕКТУРЫ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА.....	7
2. ВОПРОСЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ.....	11
3. АРХИТЕКТУРА БАЛКАН И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО. СТОЛИЦЫ НА ВОСТОКЕ	15
4. ТИПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА. АРХИТЕКТУРНЫЕ ШКОЛЫ НА ВОСТОКЕ ВИЗАНТИИ И В СОСЕДНИХ СТРАНАХ V – НАЧАЛА VI ВЕКА.....	20
4.1. Уточняющие вопросы	20
4.2. Центрические постройки. Круглые, октагональные, гексагональные	21
4.3. Центрические постройки. Тетраконхи.....	24
4.4. Центрические постройки. Триконхи	26
4.5. Центрические постройки. Гекса- и октаконхи	28
4.6. Крестообразные храмы с купольным квадратом на средокрестии	29
4.7. Ранние версии купольной базилики и крестово-купольного храма	30
4.8. Продольно спланированные храмы. Однонефные залы. Базилики.....	32
4.9. Храмы с поперечно развитым наосом.....	35
4.10. Региональные особенности стиля и строительной техники в V – начале VI века.....	35
5. АРХИТЕКТУРА ЭПОХИ ЮСТИНИАНА. СОБОРЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ЭФЕСА, ИЕРУСАЛИМА	41
6. АРХИТЕКТУРА VII В. ТИПОЛОГИЯ И СТИЛЬ ХРАМОВ АРМЕНИИ, ГРУЗИИ И КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ.....	50
Заключение.....	61
Библиографический список.....	62
Список рекомендуемой литературы.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Целью учебно-методического пособия является ознакомление с архитектурой на христианском Востоке в период ее становления и первых этапов расцвета, начиная с трансформации культуры поздней Античности в связи с триумфом христианства в IV в. и заканчивая наступлением кризиса в Византийской империи, последовавшими утратами значительных территорий Ближнего Востока под ударами Сасанидского Ирана и Арабского халифата.

В учебно-методическом пособии проанализировано развитие монументальной архитектуры на обширных и особенно богатых культурным наследием пространствах Средиземноморья — территориях, где процветали древнейшие государства и основывались традиции дворцовой, мемориальной и культовой архитектуры. Египетскую, древнегреческую, эллинистическую, древнеримскую и другие культуры отличает многообразие форм храмового зодчества. Раннехристианское искусство, начав свое развитие с отрицания античных ценностей, в скором времени, если не изначально, начало складываться именно на традициях греко-римской античности и эллинизированного восточного искусства.

Восточная часть Римской империи в своем культурном развитии принципиально отличалась от западных земель этого огромного государства. Основное отличие заключалось в формировании общей культуры с учетом тех глубинных цивилизационных основ, которыми обладали страны, составлявшие структуру восточной части. Следовательно, полное или относительное включение в пределы империи царств и провинций, простиравшихся от Ливии и Египта на юге, до Греции и Армении на севере, обеспечивало культурную многополярность этой части империи, что подразумевает и разнообразие в архитектуре и искусстве. В эпоху расцвета христианской культуры оно не исчезло, и с формированием региональных, в отдельных случаях национальных, школ только усилилось.

Мир христианского Востока — это пространство развития архитектурных идей, периодически подпитывавших монументальное искусство народов Западной Европы, славянских стран и мусульманского Востока. Неоспорима ведущая роль центральных явлений христианского Востока, прежде всего столичного искусства Византии, в сложении зодчества балканских стран и Древней Руси. Русская культура посредством географических и духовных связей соприкасалась с восточным христианством, в том числе в Северном Причерноморье и на Кавказе. Со временем в пределы Российской империи вошли эти, а также закавказские регионы Востока, что усилило интерес политической элиты, научной и творческой интеллигенции к путям, ведущим в Константинополь и Святую Землю. Достижения архитектуры и монументального искусства христианского Востока по мере знакомства с ними становились основой развития некоторых направлений зодчества XIX–XX вв., в том числе в Российской империи. Поэтому знание этого наследия необходимо и для понимания архитектурного творчества Нового и Новейшего времен.

Распространение христианства на пространствах Римской империи в первые три века нашей эры сопровождалось поисками форм архитектуры нового храма. Восток стал важнейшим местом развития ранних форм церковного зодчества. В общинах христиан, распространившихся с I в. н. э., начала складываться новая материальная культура. В нашем распоряжении находится единственный образец постройки, находящийся на Востоке, в котором совершались богослужения первых христиан. Это выявленный раскопками дом собраний (*domus ecclesiae*) в Дура-Эвропос (ок. 232 г. н. э.), пограничном с Ираном городе Римской империи, расположенном в Сирийской пустыне на реке Евфрат. Здание состояло из двух основных помещений: зала для собраний и зала-крещальни, своего рода предшественников, соответственно, церквей и баптистериев (крещален). В одном из последних исследований данной проблемы Ш. Хайд разоблачает миф о существовании в городах империи такого типа домов собраний или домашних церквей. Пример Дура-Эвропос он считает результатом церковного строительства, а не обустройства частной резиденции [16].

Существовали также мемории, предвестники мартириев, устраиваемых на местах мученичества за христианскую веру или на местах, символически значимых для христиан. Эти проявления культуры первых христиан являлись островками в мире греко-римского язычества и эллинизированных восточных культов, с которыми была тесно связана античная архитектура, абсолютно доминировавшая в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

Принято рассуждать об упадке античного искусства в III–IV вв. н. э. Однако динамика монументальной архитектуры не позволяет склоняться к аналогичному утверждению. Подъем, который переживала греко-римская архитектурная традиция в I–II вв. н. э., продолжился далее с учетом новых ценностей и новых задач изменявшегося общества. Развивалась типология зданий и сооружений, происходили коренные изменения в храмовом зодчестве в связи с трансформациями эллинистических культов под влиянием древневосточных. Восточная половина Римской империи становится зоной внимания императоров — главных заказчиков монументальной архитектуры. К концу III в. беспрецедентное развитие получает градостроительство. Триумф христианства в начале IV в. сопровождался развитием монументального зодчества, строительством новых городов, прежде всего Константинополя, и реконструкцией старых, таких как Рим и Милан на Западе, Антиохия и Иерусалим на Востоке.

Во время правления Константина Великого и не без участия имперской власти также начала формироваться типология христианского храма, с самого начала отличавшаяся спецификой в разных регионах империи и пристрастием Востока и Запада к определенным типам церквей и мартириев. Привлеченная на сторону христианских общин власть будет всячески содействовать созданию впечатляющих монументальных образов церковных построек, приданию им особого великолепия, которое обеспечивалось участием профессиональных архитекторов и мастеров.

Истоки архитектуры христианского храма многогранны. В их начальных формах можно угадывать типологически и функционально различные позднеантичные постройки: общественные базилики, императорские мавзолеи, залы, входящие в комплексы дворцов, терм, нимфеев, а также храмы императорского культа. Не сомневаясь в значении античных императорских построек в качестве возможных образцов при создании архитектурных композиций храмов новой религии, все же необходимо учитывать и иные возможные ориентиры зодчих, особенно на Востоке, для которого характерно разнообразие древних традиций.

В связи с этим заслуживают внимания древнейшие архетипы. В случае центрического купольного храма это и купольные ротонды, широко применявшиеся в гражданском и мемориальном зодчестве; и компактная композиция народного дома или дворца с деревянным шатром посередине, до первой половины XX в. воплощавшаяся, в частности, в Армении и Грузии; и форма иранского купольного квадрата; и сирийские храмы античной эпохи с четырехколонной и почти сформированной крестово-купольной композицией, и некоторые другие.

На типологию и образ христианской базилики могли воздействовать многоколонные залы, в том числе древнеегипетские храмы. Но главным образом статус прообраза христианской базилики оспаривают базилики Древнего Рима, в том числе такая необычная по своим композициям, как величественная базилика Нова, основанная императором Максенцием в 308 г. и завершенная Константином в 312 г. (рис. 1, а). Недавно созданный корпус римских базилик второй половины I в. до н. э. – IV в. н. э. в городах Декаполиса и Иудеи-Палестины демонстрирует их особую специфику [22]. Прообразом христианской базилики или однефного зала также мог стать один из типов храма культа императора на Востоке. Примером перестройки христианами одного из таких храмов служит так называемая «Красная базилика» в Пергаме (рис. 1, б).

Осознание разнообразия течений восточнохристианской архитектуры приводит к пониманию ее как совокупности архитектурных традиций, развивавшихся бок о бок и на протяжении веков решавших близкие задачи с получением как похожих, так и различных результатов.

Рис. 1. Позднеантичные постройки — возможные прообразы христианских базилик:
а — базилика Нова. Рим; *б* — «Красная базилика». Пергам

Ситуацию разобщенности отдельных провинций империи усугубила изначально существовавшая автономия церковных организаций в странах, примыкавших к Риму, таких как Армения, Иран, Египет. Консолидации воззрений на образ храма и выбор типологии способствовали вселенские церковные соборы, а также строительные кампании императоров, в том числе на границах империи. Если исключить роль императора Константина Великого, в одинаковой мере способствовавшего строительству храмов как в западной, так и в восточной частях Римской империи, можно отметить наиболее успешную строительную деятельность на Востоке со стороны императоров Констанция II (337–361 гг. правления), Феодосия II (402–450 гг. правления), Зинона (474–475 и 476–491 гг. правления) и Юстиниана I (527–565 гг. правления). Особое внимание ими уделялось возведению и реконструкциям храмов и комплексов в Иерусалиме и других местах библейской истории на Святой Земле, в Антиохии, Эфесе, в некоторых монастырях.

Главным центром приложения средств и развития архитектурной мысли был Константинополь, который периодически расширялся и облагораживался, следуя за деятельностью своего основателя Константина. Лучшие зодчие страны вносили свой вклад в создание образа столицы.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АРХИТЕКТУРЫ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА

Интерес к позднеантичной и средневековой архитектуре христианского Востока возник в недрах европейской науки и стимулировался публикациями заметок и гравюр путешественников XVIII–XIX вв. Полезными оказались первые обмеры и фотографии построек. Европейская археология активно изучала древние города Египта, Святой Земли, Леванта, Малой Азии, где наряду с удовлетворением преимущественного интереса к наследию Древнего мира осваивались пласты поздней Античности и Средневековья. Исследования получили размах в первой половине XX в. и после Второй мировой войны, когда к европейским археологическим школам подключились американские научные центры. К концу XIX в. на Восток устремляются русские археологи, проводя кампании в Крыму, на Кавказе и Святой Земле. Ценными представляются результаты экспедиций, снаряжавшихся при поддержке Императорской археологической Комиссии, Императорского православного палестинского общества и Московского археологического общества. Эти организации, а также курируемые ими экспедиции и научные институты (Русский археологический институт в Константинополе, Анийский археологический институт) развернули широкую публикационную деятельность, представляя результаты своих исследований и работы коллег в периодических изданиях и отчетах. Они подготовили десятки специалистов, часть которых продолжили историко-архитектурные исследования в советскую эпоху.

Обширный фактологический материал позволял выстраивать историю развития архитектуры на христианском Востоке. Среди десятков обобщающих трудов необходимо выделить наиболее значимые не только по объему содержащейся в них информации, но прежде всего для понимания этого фрагмента всеобщей истории архитектуры. Особого внимания требуют оценки проблем развития типологии, строительных конструкций и архитектурных образов, а также причин, приводящих к качественным изменениям в архитектуре.

Книга архитектора и археолога Шарля Тексье (1802–1871) о византийской архитектуре и раннехристианских памятниках на Востоке стала первым существенным шагом в формировании научных взглядов в интересующей нас сфере [24]. Значительное место в этом труде заняли постройки Армении, в том числе их реконструкции. Фундаментальный труд «История архитектуры» другого французского ученого, инженера Огюста Шуази (1841–1909) включает анализ обширного материала по Греции и Ближнему Востоку и был нацелен преимущественно на раскрытие особенностей строительных конструкций.

Для своего времени прогрессивной была книга Габриеля Милле (1867–1953) «Греческая школа византийской архитектуры», в которой ученый попытался обозначить проблему наличия разных школ в рамках этого общего явления.

Начало XX в. внесло новое дыхание в академические научные исследования по архитектуре христианского Востока, связанные с деятельностью представителей различных направлений, школ, сформировавшихся в западноевропейской науке: представителя Венской школы искусствоведения Йозефа Стржиговского (1862–1941), итальянского историка античной и раннехристианской архитектуры Джованни Ривойры (1849–1919), создателя и руководителя кафедры византистики в Парижском университете Шарля Дилья (1859–1944).

Исследованиям Востока препятствовала европоцентрическая модель развития искусства, согласно которой вне пределов европейских стран существенными считались только достижения древнеегипетской и месопотамской архитектуры. С конца XIX в. важный искусствоведческий дискурс разворачивается вокруг проблемы взаимоотношений традиций архитектуры на Востоке и Западе, в котором участвовали выдающиеся историки искусства и архитектуры того времени: Йозеф Стржиговский, Дмитрий Власевич Айналов, Йозеф Вильперт, Джон Брайан Уорд-Перкинс и др. В целом преобладали оценочные суждения, это было время выдвижений различных теорий и подгонки под них фактического материала.

Вплоть до 1980-х гг. развивалась основанная на разнообразии композиций армянских раннесредневековых церквей теория типологической эволюции австрийского профессора Стржиговского. Его вторая концепция была призвана обосновать истоки принципиальных форм европейских центрально-купольных церквей на Востоке и представляла творчество армянских архитекторов как необходимое звено в развитии и передаче архитектурных идей от древнего Ирана в Византию и Италию эпохи Ренессанса. Обе концепции отражены в труде ученого «Архитектура армян и Европа» (Вена, 1918) [23].

На сохранении устоявшихся в XIX в. воззрений настаивал Ривойра, обнаруживший все формы христианского храма в памятниках древнеримской традиции. Упрочению итальянских основ в длительном споре о первенстве Востока или Запада способствовали богатые сведения, опубликованные Уорд-Перкинсом, почти 30 лет возглавлявшим Британскую школу в Риме.

Воззрения Стржиговского, особенно после Второй мировой войны, подверглись критике в связи с их методологической непоследовательностью и по причине развития в них расистских концепций, которые в дальнейшем фактически поощряли националистические воззрения на развитие истории искусства, в том числе в Советском Союзе, и оказались популярными, в частности в Армении, а также в странах Восточной Европы [20]. Сегодня яркая личность этого ученого вновь интересна, и его деятельность изучается наряду с вкладом в развитие истории искусства его современников — Айналова, также ценившего восточный фактор, Алоиза Ригля, Вильперта и др.

Историк Шарль Диль продолжил традицию исследований Востока и Византии, сосредоточив внимание на отдельных региональных явлениях этого мира в своих книгах о византий-

ской Африке, Египте, Константинополе, Никее. Французская археологическая школа достигла результатов в раскрытии античных и раннехристианских городов на территориях Алжира, Туниса, Ливии, Сирии. Аналогично немецкие, английские, американские археологи имели успех в публикации сводов памятников отдельных регионов и проведении раскопок в странах, входящих в Османскую империю — Египте, Палестине, Сирии, а также в Константинополе. Продолжением этой традиции в наши дни можно считать серию трудов австрийских археологов “*Tabula Imperii Byzantini*”.

Русская академическая наука, в лице Никодима Павловича Кондакова (1844–1925), Николая Яковлевича Марра (1864–1934) и многих других, делавшая с конца XIX в. успехи в сфере позднеантичной и средневековой археологии — на раскопках византийского Херсонеса Таврического, армянского Ани, с высокой степенью объективности оценивала процессы развития зодчества. Значительной была роль молодого Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), проводившего исследования средневековых построек в бывшей византийской столице и за ее пределами.

Некоторые видные русские византилисты после Гражданской войны переехали в Европу. Кондаков, считающийся основоположником истории искусства Византии, и Николай Львович Окунев (1885–1949) положили начало византийским исследованиям в Праге и Белграде. Андрей Николаевич Грабар (1896–1990), поработав в Болгарии, стал затем лидером византийской искусствоведческой школы в Париже.

Широкий диапазон их профессиональных интересов, от археологии до монументального искусства и рукописной книги, формировал определенный склад специалиста широкого профиля, но одновременно стал причиной специфического понимания архитектуры, лишь в своей основной части, относящейся к искусству.

Русская традиция изучения средневековых древностей продолжила свое развитие в советское время несмотря на сужение возможностей полевых исследований за пределами нашей страны. Во втором томе книги Николая Ивановича Брунова (1898–1971) «Очерки по истории архитектуры» (1937) диаметрально противоположными представлены константинопольская школа VI в. и так называемая восточная школа, в рамках которой автор объединил все направления, развивавшиеся к востоку и югу от Константинополя. В этом труде весьма относительно отражались достижения науки об искусстве Востока. Советская школа была сильна в изучении архитектурных композиций и форм, а также в широком сравнительном анализе фактологического материала. Памятники древнехристианской и средневековой архитектуры Востока оказались в центре внимания Александра Васильевича Кузнецова (1874–1954). В своей книге «Тектоника и конструкция центрических зданий» (1951) он делит примерно поровну материал, касающийся построек Византии, с одной стороны, и Армении и Грузии, с другой. Кроме анализа композиций изучается процесс развития архитектурной формы подкупольного перехода, купольных глав и др. Археолог Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984) во главу угла исследований закономерностей в развитии средневековой архитектуры на Востоке (1985, 1987) поставил изучение композиций и стилистических особенностей построек.

В научных трудах Алексея Ильича Комеча (1936–2007) последовательно исследуются архитектурные композиции и образы византийских памятников, а основательно учитывается привязка архитектурных явлений к историко-культурным. В книге «Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции» (Москва, 1987) дается панорамное представление о развитии центрально-купольных и крестово-купольных храмов, начиная с истоков в ранневизантийском зодчестве, обсуждаются пространственные решения ранних древнерусских соборов, их образные характеристики. Не забывая о публикации фактологического материала, автор исключительно тонко воспринимает и передает особенности пространства, пропорционального построения, архитектурной формы, роль деталей в архитектурной композиции [7].

Наиболее востребованной по истории раннехристианской и византийской архитектуры уже более полувека остается книга «Раннехристианская и византийская архитектура» (1965)

Ричарда Краутхаймера (1897–1994) — представителя немецкой школы, эмигрировавшего перед Второй мировой в США, где были опубликованы все его крупные труды. В этой книге систематизируется значительный объем фактического материала. Усматривая истоки восточнохристианской архитектуры в наследии Рима, автор одновременно отмечает роль восточных влияний в сложении зодчества Византии и соседних с ней стран. Дополненное издание этой книги осуществлено в 1986 г. при участии Слободана Чурчича (1940–2017), учившегося на отделении архитектуры Университета Иллинойса (Урбан-Шампайн) и в докторантуре Нью-Йоркского университета под руководством Краутхаймера [19]. Свою финальную книгу Чурчич посвятил архитектуре Балканского полуострова как центра Византийской империи от периода Тетрархии в Римской империи до раннеосманской эпохи [13]. Писавший диссертацию под его руководством в Университете Иллинойса Роберт Оустерхаут (1950–2023) в 2019 г. опубликовал свою монументальную книгу «Восточная средневековая архитектура. Строительные традиции Византии и соседних земель», сохранив в ней те же хронологические границы, но расширив географию исследования. Монография охватывает пространство от Константинополя до Египта, Армении и России, включая королевство крестоносцев в Иерусалиме и даже города Италии, в которых церковная архитектура ощутила на себе византийское влияние [21]. Так шаг за шагом делались попытки определения границ существования культурной ойкумены, возникшей на обломках восточной части Римской империи и на территориях сопредельных стран. Можно проследить смещение интереса с поздней Античности и раннего Средневековья на более поздние эпохи. Эволюционировали и заглавия разделов: от простейшего упоминания времени и места в каждой главе у Краутхаймера к выдвиганию на первый план проблемного аспекта Чурчичем и в большей степени Оустерхаутом.

Среди проблем, решаемых в книгах указанных авторов, неизбежно оказываются традиционные вопросы, волнующие научное сообщество уже более столетия. Так заглавие введения к книге Оустерхаута называется «Историческая архитектура Востока и Запада». Он справедливо упрекает своих западных коллег в их нежелании понять суть архитектуры Востока: «Разглядывая через призму ориенталистики, ученые последних двух столетий рассматривали Восток (в широком смысле) как экзотический, далекий и лишь отдаленно связанный с западной цивилизацией. Тем не менее, они часто смотрели на Восток как на нескончаемый генератор архитектурных идей, к которым обращались в критические моменты, чтобы оживить и вдохновить европейских каменщиков» [21, р. XIX, перевод — А.К.].

Краутхаймер в своей книге «Три христианские столицы. Топография и политика», переведенной на русский язык, поднимает вопросы о структуре большого столичного города в эпоху раннего христианства, о процессах трансформации позднеантичного города после триумфа новой религии, о роли соборных церквей как новых доминант в застройке [8]. Градостроительный аспект архитектуры христианского Востока редко рассматривается в трудах ученых, но его раскрытие делает изучение отдельных памятников более осмысленным и контекстуальным.

Комплексным подходом отличаются многие монографии, посвященные отдельным значимым для истории архитектуры памятникам. Например, в книге Юлии Валеовой [3] с разных точек зрения исследована Епископская базилика в Филиппополе (совр. Пловдив), в том числе в контексте ее присутствия в пространстве позднеантичного города. Предположительно основанная при императоре Констанции II (337–361 гг. правления) эта постройка своей планировкой, архитектурными деталями и мозаиками перекликается с крупными храмами, строившимися в первой половине IV в. в разных провинциях Римской империи, в том числе на Востоке.

Из отечественной литературы XXI в. можно выделить следующие монографии, полезные для раскрытия сути архитектуры Византии и всего христианского Востока: Л.Г. Хрушковой «Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья» [12], В.В. Седова «Килице Джами: столичная архитектура Византии» (2018), А.Ю. Виноградова, А.В. Захаровой и Д.А. Черноглазова «Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников» [2], А.Ю. Казаряна «Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиций» [6] и др.

Множество научных идей высказывалось в периодической печати и в сборниках трудов. Их доля среди исследований неуклонно увеличивается, в том числе в связи с усложнением задачи обобщения в монографиях расширяющихся сведений о памятниках архитектуры.

В 2022 г. был издан учебник А.Ю. Виноградова «Лекции по византийской архитектуре», составленный с учетом исследований последних десятилетий. Книга содержит ряд смелых замечаний, в том числе научно не обоснованных и спорных, а также имеет два очевидных недостатка. Первый связан с включением в обзор исключительно памятников церковной архитектуры, второй — с рассмотрением в круге византийского зодчества памятников Армении и Грузии, при отказе от анализа архитектуры Древней Руси, поскольку она «слишком обширна».

Традиция изучения архитектуры христиан всего Востока еще в XIX в. способствовала собирательному пониманию византийской архитектуры, которое характерно для русских ученых, включавших в рамки византийского все направления, развивавшиеся и в прямой, и в весьма относительной связи с архитектурой самой империи (при этом зона христианского Востока традиционно мыслится в пределах ближневосточных регионов, составляя своеобразную часть византийской). В современной научной мысли есть и другая концепция, согласно которой византийское искусство рассматривается в рамках восточнохристианского. Следовательно, христианский Восток как антитеза христианскому Западу — понятие наиболее широкое, включающее в себя все земли, расположенные вне западного мира, вне западной половины бывшей Римской империи. При создании данного учебно-методического пособия автор ориентировался на это понятие. В последующей части будет рассмотрена архитектура христианского Востока в Средние века.

Отождествление в ряде работ восточнохристианской архитектуры с византийской приводило к признанию единственного столичного центра, как места творческих новаций. Периферийные полузависимые, а порой никак не зависевшие от Византии страны либо не рассматривались, либо, как это было в случае с Арменией и Грузией, представлялись за рамками данного периода, вслед за зодчеством «темных веков» или даже так называемого средневизантийского периода. Фактически эта часть многоликой и многосоставной восточнохристианской архитектурной традиции оставалась вне общего контекста, с одной стороны, старались отмежевать от ее достижений развитие византийского зодчества, с другой — с середины XX в. ратовали за исключительную самостоятельность зодчества Армении и Грузии (в том числе и друг от друга, рассуждая только о параллелизме явлений). Исключением является книга Якобсона «Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры» (1983), в которой архитектура стран Закавказья IV–VII вв. представлена вслед за ранневизантийской.

Безусловно, будучи во многом особенными, пограничные традиции все же складывались в русле общехристианских ценностей, среди которых — представления о миропорядке и об устройстве храма, ориентация на практически неиссякаемое греко-римское античное наследие и традиции императорского искусства. Недаром христианство распространилось не в пределах Римской империи, а шире — на территориях укоренения эллинистической культуры.

2. ВОПРОСЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Уже в ранневизантийское время существовали сочинения, посвященные вопросам строительной механики и техники, принципам декора. Так, архитекторы Св. Софии Константинопольской (532–537, 563) являлись авторами таких текстов: Исидор из Милета сочинил комментарий к «Камарике» Герона Александрийского и предложил способ построения параболы; Анфимия из Тралл интересовали теоретические вопросы.

Строительство, если его не вели непосредственно монахи, осуществлял архитектор, который вычерчивал план церкви по воле заказчика. Люди архитектурной профессии в ранней Византии делились по своему рангу или сословию. К высшему принадлежали μηχανικοί (механики), совмещавшие функции математика, инженера и архитектора; менее квалифициро-

ванные — *αρχιτέκτονες* (архитекторы) — руководили строителями. Заказчики могли изъявить свое желание при составлении «чертежа», который, например, содержался в послании от 405 г. императрицы Евдокии епископу Порфирию по поводу строительства церкви в Газе. Вероятно, более подробными являлись «диаграммы», служившие руководством для строителей, но они не сохранились. По свидетельству св. Григория Нисского (IV в.), замысел постройки мог быть проиллюстрирован в восковой модели, изготовленной «механиками» [15; 5; 10].

В установлении пропорций плана и высотного построения применялись главным образом простые числовые соотношения, в ранневизантийский период иногда иррациональные. Исходным был продиктованный заказчиком один из габаритных размеров строения. Изучение пропорций особенно плодотворно, когда мы имеем дело с чертежами геометрически четко построенных памятников армянской и грузинской архитектуры.

В случае необходимости практиковалось приглашение мастеров из других городов и областей. В частности, исаврийские кочевые артели работали на пространстве от Антиохии до Константинополя. Строительная деятельность императора Юстиниана I во многих областях империи способствовала распространению столичных архитектурных идей и обмену опытом мастеров разных провинций.

О роли заказчика, методах работы византийских зодчих и строителей можно судить по описаниям построек или истории строительства отдельных церквей. Армянская литургическая литература содержит редчайший текст об акте основания церкви — канон «Основание святой церкви» католикаса Иоанна Мандакуни (478–490), исследованный и переведенный на русский язык П.М. Мурадяном [9].

Трактат устанавливает трех главных участников основания церкви: епископа, изъявляющего свою волю строителя (шинох), т.е. заказчика или ктитора и главу мастеров (чартарапет), т.е. архитектора. Весь акт закладки основания представляет символическое действие, придающее процессу священный характер в глазах присутствующей паствы. В ходе этого действия реально можно вычертить на местности лишь самый примитивный план. Несомненно, что замысел композиции, преподнесенный архитектору от имени строителя или ктитора, заранее обсуждался всеми тремя лицами.

Следовательно, епископ играл важную роль в организации планировки церкви и составлении иконографии ее пространства. Постройка рассматривалась «богоявленной». Поэтому, по мнению А.М. Высоцкого и Ф.В. Шелова-Коведяева, за выбор архитектурной иконографии отвечали заказчики при участии представителей церкви (если заказчики сами не были представителями церкви) [4].

В армянских текстах и надписях на храмах интересны два термина — «шинох», буквально — строитель, и «вардапет». Оба могли обозначать также и архитектора. О существовании собственно архитектора источники свидетельствуют крайне редко, но об этом отчетливо сказано в упомянутом трактате Иоанна Мандакуни.

Безусловно, заказчик мог указывать и на образцы, понравившиеся ему в чисто художественном аспекте. Стремление научной мысли последних лет к отрыву от сложившейся в Новое время академической практики и к более адекватному пониманию средневекового мышления имеет тенденцию увлекаться вопросами символической значимости образца в христианском сознании, моделирования и изучения сакральных пространств. Однако средневековые описания памятников и сами постройки не оставляют сомнения в стремлении мастеров к эстетическому совершенству той категории, которая открыто возвеличивалась и в эпоху античности.

В ранний период церкви строились очень быстро: собор в Газе и даже грандиозный собор Св. Софии в Константинополе были возведены за 5 лет. От 3 до 10 лет возводили и армянские храмы, судя по строительным надписям. Заказчик желал видеть воплощенный замысел как можно скорее.

Поиск экономичных технологий строительства, начавшийся в дохристианские времена, в новую эпоху оказался востребованным, направленным на рациональное использование рабочей силы и материалов.

На пространстве христианского Востока применялся, пожалуй, весь спектр строительных материалов и техник, существовавших ранее. Практиковалось каменное строительство, т.е. технологии возведения опор, ограждающих стен и перекрытий из камня и кирпича, с применением известково-песчаного раствора и бутобетона на основе известковых связующих. Эволюционировали и чисто каменная, и кирпичная, и каменно-кирпичная кладки. В первой особенно интересна та, в которой между двумя каменными лицевыми слоями находится внутренний слой бутобетона. На раннем этапе развития и практически до VI в. бетон, представлявший собой скорее заливку узкого расстояния между тыльными сторонами камней, не играл роли в конструктивной работе стены. С начала VII в. и особенно во второй половине столетия в Армении и Грузии в этой кладке появилась широкая прослойка бутобетона, способная работать даже в случае отрыва каменных блоков (рис. 2, *а*). Византийские мастера предпочитали кирпичную или смешанную кладку, также значительно эволюционировавших. Если в позднеимперском строительстве толщина кирпича превосходила толщину раствора, то в IV в. соотношение толщины кирпича к шву было равно 1 : 1, в VI в. — 2 : 3, таким образом, византийский тонкий кирпич (плинфа) оказался включен в пластичный известково-бетонный массив стены (рис. 2, *б*).

а

б

Рис. 2. Кладка стен ранневизантийских храмов:
а — каменная с бутобетоном в Аназарбе в Киликии;
б — кирпичная в Красной церкви у Перуштицы во Фракии
 (фото А. Казаряна, 2005 и 2012)

Основной формой вертикальной опоры оставалась круглая, преимущественно мраморная колонна с профилированной базой и резной капителью. Применение выкладываемых столбов было обусловлено нагрузкой тяжелых сводов и куполов. Опоры связывались между собой и со стенами посредством арок, хотя до VI в. применялись и каменные перемычки.

До того же времени повсеместно использовали деревянные стропильные перекрытия, в главных храмах империи их оформляли кессонированными потолками. Присутствие в одних центрических постройках купола или пандативного свода, а в других — деревянного шатра не было связано с наличием или отсутствием кровельного леса. Так, создание в армянском храме Текора (80-е гг. V в.) каменного купола при наличии деревянного перекрытия на не менее значимом соборе Эчмиадзин, восстановленном в том же десятилетии, позволяет полагать, что и в это время руководствовались практическими соображениями. Возведение деревянных шатров особенно практиковалось в лесистых областях: в Ливане, в Ликийи и на Кипре, откуда в начале IX в. были привезены в Иерусалим 50 бревен сосны и кедра для восстановления ротонды Воскресения храма Гроба Господня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru